

А.А. Герман

РЕПАТРИАЦИЯ ГРАЖДАН СССР НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Как известно, в общепринятом понимании репатриация – это возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов с восстановлением в правах гражданства. В СССР в годы правления И. Сталина искажениям подвергалось многое, даже семантика. По меткому замечанию П. Поляна, в послевоенное время понятия «репатриация» и «репатриант» сами по себе утратили свой нейтральный смысл и окрасились в «цвет» прилагательного, с которым они по справедливости сочетались: термины «репатриация» и «насильственная репатриация» стали как бы синонимами¹. То есть вся репатриация советских граждан в СССР в последние месяцы Второй мировой войны и после нее носила обязательный характер и осуществлялась, главным образом, принудительными насильственными методами. Во многом это было обусловлено Ялтинскими соглашениями 1945 г. союзников по антигитлеровской коалиции.

Масштабы перемещения советских граждан в годы войны в Германию и другие страны Европы были поистине грандиозны. По оценке все того же П. Поляна, суммарное число лиц, проживавших на территории СССР до 22 июня 1941 г. и вывезенных с его территории, достигает примерно 8,5–8,7 млн. человек². Это были военнопленные (ок. 3,3 млн.), завербованные на территории СССР и вывезенные оттуда насильно оstarбайтеры (ок. 3,8 млн.), беженцы и эвакуированные (1 млн.) и др. Среди них были и советские граждане немецкой национальности (их называли в Германии – «фольксдойче». Не путать с фольксдойче – «встарбайтерами» в СССР!)³.

A. A. German

DIE REPATRIIERUNG VON STAATSBÜRGERN DEUTSCHER VOLKSZUGEHÖRIGKEIT DER UDSSR

Bekanntermaßen bedeutet Repatriierung im allgemein üblichen Verständnis die Rückführung in die Heimat von Kriegsgefangenen und Zivilpersonen, die durch den Krieg ins Ausland gelangt sind, sowie von Emigranten, verbunden mit der Wiederherstellung ihrer staatsbürgerlichen Rechte. In der UdSSR, besonders in den Jahren der von Stalin geführten Regierung, wurde Vieles, ja sogar die Semantik, verfälscht. Wie Pawel Poljan zutreffend bemerkte, verloren in der Nachkriegszeit die Begriffe Repatriierung und Repatriant ihren an sich neutralen Sinn und wurden mit Hilfe eines Zusatzes „eingefärbt“, mit dem sie nach Recht und Billigkeit kombiniert wurden: die Termini „Repatriierung“ und „Zwangsrepatriierung“ wurden gleichsam zu Synonymen. Das heißt, dass die gesamte Repatriierung von sowjetischen Staatsbürgern in die UdSSR in den letzten Kriegsmonaten des Zweiten Weltkriegs und danach obligatorischen Charakter trug und hauptsächlich mittels gewaltsamer Zwangsmaßnahmen erfolgte.

Das Ausmaß der Verschleppung von Sowjetbürgern in den Kriegsjahren nach Deutschland und in andere Länder Europas war grandios. Nach Schätzungen Pawel Poljans erreicht die Gesamtzahl der vor dem 22. Juni 1941 auf dem Staatsgebiet der UdSSR ansässigen und von dort verschleppten Personen etwa 8,5 – 8,7 Mio. Menschen. Dies waren Kriegsgefangene (etwa 3,3 Mio.), in der UdSSR angeworbene und von dort gewaltsam verschleppte Ostarbeiter (an die 3,8 Mio.), Flüchtlinge und Evakuierte (1 Mio.) und sonstige. Unter ihnen waren auch Sowjetbürger deutscher Volkszugehörigkeit (in Deutschland nannte man sie „Volksdeutsche“).

« Когда отца отправляли в сентябре 1941 г. в трудовую армию, мама оставалась с двумя детьми на руках и ждала третьего. Вскоре территорию Токмакского района Запорожской области на Украине захватили немцы, и два года мы жили в оккупации. Затем нас заставили уйти с родной территории, пришлось на лошади везти лежачую бабушку. В лесу нас встретили немцы, забрали телегу, лошадь, бабушку застрелили, мы пешком шли до сборного пункта. Везли нас в телячьих вагонах до Польши. Около четырех месяцев в Германии провели возле Редихау в лагере за колючей проволокой. В концлагере были двухъярусные нары, узкий проход. У детей брали кровь, мать на хозяина работала, по трое суток мы мать не видели. Другие родители были заняты на сельхозработах. В качестве пайка давали хлеб, масло, иногда суп. Это продолжалось до декабря 1945 г.

А когда в Сибирь привезли, в Новосибирске на вокзале высадили и распределили. Мы попали в деревню – совхоз № 7 Томской железной дороги рядом с городом Болотное. Нас определили в телятники. Хлеб выдавали по талонам (в очереди в амбар по ночам стояли). В деревне школы не было. Печки были на улице. К зиме построили дом. Выдавали по одной булке, мы собирали шелуху, посадили картофель, потом начали скотину заводить, но все отдавали на налоги: шкуру, мясо. Жили мы только на нарах. В доме было 3 комнаты, 2 печки. 5 семей в одной комнате, 6 семей – в большой, в третьей комнате – 4 семьи, у каждого по 6–7 детей.

В совхозе мать работала свиаркой. Затем приехала тетя из Архангельска, начала работать дояркой. Это было до 1959 г. Затем я одна уехала на Алтай, работала в городе Рубцовске на Алтайском тракторном заводе до пенсии.

Екатерина Франц

Из воспоминаний Екатерины Абрамовны Франц, г. Рубцовск, Алтайский край

До настоящего времени представляется достаточно трудным установить точное число советских немцев, оказавшихся в Европе, однако мы попытались произвести приблизительные подсчеты. На территории европейской части СССР (не считая Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и областей, откуда не проводилась депортация немцев по нашим подсчетам, основанным на данных НКВД, на начало 1941 г. проживали 1103,3 тыс. граждан немецкой национальности. В августе-декабре 1941 г. была проведена депортация всех немцев, за исключением тех, кого не успели вывезти в связи с оккупацией мест их проживания германскими войсками. С указанной нами территории к 1 января 1942 г. вывезли в восточные районы страны 799,5 тыс. человек. Следовательно, на означенных нами территориях осталось проживать примерно 303,8 тыс. человек. Отдельные расчеты мы произвели по Украине. Там накануне войны проживали 392,5 тыс. человек, советскими властями было депортировано осенью 1941 г. 111,8 тыс. человек, осталось 280,7 тыс. человек⁴. Таким образом, подавляющее большинство советских граждан немецкой национальности, оказавшихся под оккупацией вермахта, проживали на Украине, остальные – на Северном Кавказе, в районе Таганрога, в Белоруссии, в западных областях РСФСР.

Мы не ставили своей целью рассматривать жизнь этих людей в условиях германской оккупационной власти, их отношение к этой власти и ее мероприятиям. Об этом уже достаточно много написано⁵. Хотим лишь отметить, что оккупационные власти были заинтересованы в привлечении фольксдойче к сотрудничеству. Поэтому все местные немцы брались на учет. Они получали ряд преимуществ и привилегий при поступлении на работу, в обеспечении жильем, продовольствием и т. п. Им оказывалась материальная помощь. Их привлекали к работе в органах местного самоуправления, германских оккупационных учреждениях, полицейских формированиях. Своей политикой германские

Es ist bis heute ziemlich schwer, die genaue Anzahl der Sowjetdeutschen festzustellen, die nach Europa gelangt waren. Wir haben jedoch versucht Näherungswerte zu ermitteln. Im europäischen Teil der UdSSR (ohne das Baltikum, Westweißrussland, die Westukraine, Bessarabien und die Gebiete, aus denen keine Deutschen deportiert wurden) lebten nach unseren auf Daten des NKWD beruhenden Berechnungen zum Jahresbeginn 1941 1.103.300 Staatsbürger deutscher Volkszugehörigkeit. In den Monaten August bis Dezember 1941 wurden alle Deutschen deportiert, außer jenen, die man im Zuge der Besetzung ihrer Wohnorte durch deutsche Truppen nicht geschafft hatte wegzubringen. Aus dem von uns benannten Territorium waren zum 1. Januar 1942 799.500 Personen in die östlichen Bezirke des Landes verbracht worden. Folglich verblieben dort etwa 303.800 Personen. In der Ukraine lebten vor Kriegsausbruch 392.500 Deutsche, im Herbst 1941 ließ die Sowjetmacht 111.800 Deutsche deportieren, verblieben also 280.700 Deutsche. So befand sich die überwiegende Mehrheit der sowjetischen Staatsbürger deutscher Volkszugehörigkeit, die unter Wehrmachtbesatzung geraten waren, in der Ukraine, die restlichen waren im Nordkaukasus, in Weißrussland und in den westlichen Gebieten der RSFSR.

Unser Ziel war es nicht, das Leben dieser Menschen unter den Bedingungen der deutschen Besatzungsmacht, ihre Beziehungen zu dieser Macht und deren Maßnahmen zu untersuchen. Darüber ist schon recht viel geschrieben worden. Wir möchten nur anmerken, dass die Besatzungsbehörden daran interessiert waren, „Volksdeutsche“ zur Zusammenarbeit zur gewinnen. Deshalb wurden alle ortsansässigen Deutschen registriert. Sie erhielten eine Reihe von Vergünstigungen und Privilegien bei der Arbeitsaufnahme sowie bei der Versorgung mit Wohnraum und Lebensmitteln usw. Ihnen wurde materielle Unterstützung gewährt. Sie wurden zur Arbeit in örtlichen Selbstverwaltungsbehörden, deutschen Besetzungseinrichtungen und Polizeiformationen herangezogen. Mit ihrer Politik bauten die deutschen Besatzungsbehörden einen Gegensatz zwischen den ethnischen Deutschen und den anderen ortsansässigen Völkern, deren Nachbarvölkern, auf, was die Lage,

Фрида Плецнер

Фрида Яковлевна Плецнер (урожд. Эрисман) родилась в 1936 г. в селе Мариново Березовского района Одесской области. Ребенком Фриду вывезли с оккупированной Украины в Германию. После окончания войны она была репатриирована на «родину»: новым домом стал для Фриды далекий кузбасский городок Юрга. С тех пор, вот уже 65 лет, она бережно хранит адрес людей, у которых жила в Германии, с благодарностью вспоминает о них. Когда Юргу в середине мая 2011 г. с инспекционной поездкой посетил уполномоченный Федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств Кристоф Бергнер, Фрида Яковлевна, протянув ему пожелтевший от времени листок, обратилась к высокому гостю на диалекте: «Найдите, пожалуйста, тех людей, скорее, их потомков, расскажите о том, что я о них помню».

оккупационные власти противопоставляли этнических немцев другим местным народам, что существенно усложнило ситуацию, в которой оказались потомки немецких колонистов. Именно это стало главной причиной того, что по мере продвижения Красной армии вперед и освобождения оккупированных Германией территорий местные этнические немцы, боясь мести советских властей, снимались и уходили вместе с германскими войсками и учреждениями на Запад.

Как показало наше изучение фонда Отдела спецпереселений НКВД СССР, на освобождавшихся от германской оккупации советских территориях местных жителей-немцев практически не оказывалось. Исключения были крайне редки. Например, в конце

1944 г. органы НКВД обнаружили в бывшей немецкой колонии Осипово Бышевского района Киевской области 18 немецких семей (61 чел.), не пожелавших уйти с остальными 500 односельчанами на Запад. Об этом было доложено самому Л. Берии, и, по его указанию, в январе 1945 г. они были депортированы в Коми АССР. На территории Молдавской ССР после ее освобождения были обнаружены 170 немцев –

граждан СССР. В марте 1945 г. их тоже переселили на Север. После освобождения Прибалтики органами НКВД там были выявлены около 2 тыс. немцев – граждан СССР (в Эстонии около 300, в Латвии около 700, в Литве около 1 тыс.). В марте-апреле 1945 г. их депортировали в Коми АССР (из Эстонии и Латвии) и Таджикистан, в Сталинабад (из Литвы)⁶. Эти и другие выселения «обнаруженных» советских немцев на освобожденных от германской оккупации территориях СССР осуществлялись на основе

in der sich die Nachkommen der deutschen Kolonisten wieder fanden, wesentlich erschwerte. Gerade dies wurde zum Hauptgrund dafür, dass im Zuge des Vormarschs der Roten Armee und der Befreiung der von Deutschland besetzten Gebiete die ortsansässigen ethnischen Deutschen sich, weil sie die Rache der Sowjetbehörden fürchteten, auf den Weg machten und zusammen mit den deutschen Truppen und Einrichtungen gen Westen zogen.

Als wir den Aktenbestand der Abteilung Sondersiedlung des NKWD der UdSSR untersuchten, stellten wir fest, dass in den von der deutschen Besatzung befreiten sowjetischen Gebieten praktisch keine ortsansässigen deutschen Einwohner mehr vorhanden waren. Es gab nur höchst seltene Ausnahmen. Ende 1944 entdeckten die Behörden des NKWD z.B. in der deutschen Kolonie Ossipowo, Byschewsker Bezirk, Verwaltungsgebiet Kiew, 18 deutsche Familien (61 Personen), die mit ihren anderen 500 Dorfnachbarn nicht gen Westen hatten ziehen wollen. Dies wurde Lawrenti Beria persönlich gemeldet, worauf man sie auf seine Weisung hin im Januar 1945 in die Komi ASSR deportierte. In der Moldawischen SSR entdeckte man nach deren Befreiung 170 Deutsche, die Staatsbürger der UdSSR waren. Im März 1945 wurden auch sie in den Norden umgesiedelt. Nach der Befreiung des Baltikums spürten die Organe des NKWD an die 2.000 Deutsche auf, die Staatsbürger der UdSSR waren (in Estland etwa 300, in Lettland etwa 700, in Litauen etwa 1.000). Im März und April 1945 wurden sie in die Komi ASSR deportiert (aus Estland und Lettland) und nach Tadschikistan, nach Stalinabad (aus Litauen) . Diese und andere Umsiedlungen „entlarvter“ Sowjetdeutscher aus den von der deutschen Besatzung befreiten Gebieten erfolgten auf Grund persönlicher Anweisungen Stalins. Schon am 28. Dezember 1943 hatte sich Beria mit dem Vorschlag an Stalin gewandt, die ethnischen Deutschen, d.h. die „Volksdeutschen“, aus ihren Wohnorten in der Ukraine umzusiedeln, jene Personen, gegen die genug Belastungsmaterial vorliegt, dem Gericht des Militärtribunals zu übergeben und alle anderen zusammen mit ihren Familien in die Region Altai zu deportieren. Auf Berias Brief gibt es folgenden Vermerk

На освобождавшихся от германской оккупации советских территориях местных жителей-немцев практически не оказывалось.

Семья Гоффарт и Шнайдер

До 1944 г. семьи Гоффарт и Шнайдер жили в селе Маннгейм Одесской области. Там в крестьянской семье в 1924 году родилась моя бабушка Ида Гоффарт. В годы войны село оказалось в оккупации. Когда в 1944 г. немцы стали отступать, вместе с ними в принудительном порядке должны были уехать и украинские немцы, которые оказались под оккупацией. Их называли тогда беженцами. Уехать пришлось моей прабабушке Франциске, ее детям Иде и Отто, а также семье Шнайдер. 10 ноября 1944 г. в польском городке Шмигель, относившемся тогда к территории Германии, родился мой папа, Шнайдер Андрей, сын Гоффарт Иды и Шнайдера Андрея. Вскоре после его рождения немцы увели беженцев в Германию. Так папа и его родные оказались в Берлине, где жили до 1946 г. В 1946 г. Ида со своим маленьким двухлетним сыном Андреем и матерью были депортированы в Среднюю Азию – в Красноводск (Туркменистан). Здесь они прожили до 1951 г. В 1951 г. их перевезли на эшелонах в Узбекистан, в Фергану, поселили в бараках. Вскоре после этого начали строить поселок городского типа, которому дали название Киргули (в переводе с узбекского языка – цветок на камне). Территория поселка находилась на возвышенном месте, именно поэтому он и получил такое название. До сих пор он считается немецким поселком.

Шнайдер Андрей, мой дедушка, остался на Украине. Его судьба вплоть до 1955 г. была неизвестна бабушке. Позже мы узнали, что в марте 1944 г. он был эвакуирован в Польшу, где до 11 декабря 1944 г. работал механиком на заводе «Hecker». В 1945 г. Андрей был эвакуирован в СССР, в Новосибирск, в 1947 г. переехал в Таджикскую ССР, Колхозобадский район, где работал в МТС электриком вплоть до 24 июня 1950 г. В этот день он был арестован и позже отправлен на лесоповал в Сибирь. 1 декабря 1955 г. он был досрочно амнистирован и направлен в Таджикскую ССР. В 1955 г. мой дедушка смог отыскать бабушку в Узбекистане. Моему отцу было 11 лет, когда он впервые увидел своего папу. Андрей увез семью в Колхозобадский район. Там родились еще две девочки. В 1985 г. Ида и Андрей переехали в Киреевск (Тульская область), в ноябре 1990 г. – в Германию.

Семья Шнайдер все годы старалась сохранять свою самобытность. Дети и взрослые всегда находили время для того, чтобы собраться вместе, поговорить, вспомнить о том, сколько им пришлось пережить за время войны и депортации, спеть. Они плакали, вспоминая, как часто посещали их мысли о том, что они больше не встретятся со своими любимыми и близкими. И всегда рассказывали о годах лишений и депортации даже самым маленьким. Они рассказывали об этом не только потому, что это была их великая боль, но еще и потому, что они стали сильнее из-за этого, хотя и пережили много горестей. Они стали дружнее и сплоченнее. И это было самой большой наградой им за их лишения.

Екатерина Шнайдер (Фергана)

личных указаний И. Сталина. Еще 28 декабря 1943 г. Берия обратился к Сталину с предложением выселить из мест проживания на Украине этнических немцев – фольксдойче, предать суду Военного трибунала тех лиц, в отношении которых имеется достаточно оснований для доказательства их вины, а всех остальных сослать в Алтайский край, равно как и их семьи. На письме Берии имеется резолюция Сталина: «Всех арестовать, посадить в спец. концлагеря под особый надзор и использовать для работы»⁷. Позднее все эти люди были включены в категорию «репатрианты», хотя территорию СССР они не покидали.

Проведенный нами анализ, о котором говорилось выше, позволяет достаточно уверенно предположить, что к моменту окончания войны за рубежом СССР оказались приблизительно 300 тыс. немцев – граждан СССР. Наши расчеты подтверждаются и данными П. Поляна. Он называет общее число фольксдойче и «фольксфиннов», оказавшихся за пределами СССР, 350–400 тыс. человек. Из них, как следует из его рассуждений, примерно 42 тыс. составляли финны-ингерманландцы⁸. Таким образом, если их вычесть из общего числа, получается 308–358 тыс. советских этнических немцев. Эта величина, особенно ее нижний предел, достаточно близка к величине, рассчитанной нами. Разница могла образоваться за счет включения П. Поляном немцев Прибалтики и некоторых других территорий, не учтенных нами.

В материалах Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий приводится число советских немцев, оказавшихся за рубежом, 205 тыс.⁹ Но оно даже меньше числа репатриированных немцев, состоявших на спецучете в НКВД–МВД СССР, и это дает серьезный повод сомневаться в его правильности. Скорее всего, в обоих случаях речь идет об одном и том же – о числе советских немцев, которых удалось репатриировать в СССР.

С вступлением Советской армии на территорию сопредельных государств вопрос репатриации советских граждан приобрел для советского руководства практическое значение. 18 ав-

Stalins: „Alle verhaften, in Sonderkonzentrationslager unter besonderer Aufsicht einsperren und arbeiten lassen“. Später wurden all diese Menschen der Kategorie „Repatrianten“ zugerechnet, obgleich sie nie das Staatsgebiet der UdSSR verlassen hatten.

Die oben genannte von uns durchgeführte Analyse lässt mit zureichender Sicherheit annehmen, dass sich zum Augenblick des Kriegsendes etwa 300.000 Deutsche, die Staatsbürger der UdSSR waren, außerhalb der Grenzen der UdSSR befanden. Unsere Berechnungen werden auch durch die Daten von Pawel Poljan bestätigt. Er benennt die Gesamtzahl der Volksdeutschen und „Volksfinnen“ außerhalb der Grenzen der UdSSR mit 350.000 bis 400.000. Wie aus seinen Überlegungen folgt, waren hierunter etwa 42.000 Finnen bzw. Ingermanländer. Wenn man diese von der Gesamtzahl abzieht, kommt man also auf 308.000 bis 350.000 ethnische Deutsche mit sowjetischer Staatsangehörigkeit. Dieser Wert liegt besonders in seinem unteren Bereich nahe bei dem von uns errechneten Wert. Der Unterschied könnte sich daraus ergeben, dass Poljan in seine Zahl die von uns nicht berücksichtigten Deutschen des Baltikums und einiger anderer Gebiete einbezieht.

In den Materialien der Kommission zur Rehabilitierung von Opfern politischer Repressionen wird die Zahl der im Ausland verbliebenen Sowjetdeutschen mit 205.000 angegeben. Aber dies unterschreitet sogar die Anzahl der repatriierten Deutschen, die im Sonderregister des NKWD-MWD der UdSSR erfasst waren, was allen Grund dazu gibt, an ihrer Richtigkeit zu zweifeln. Es wird in beiden Fällen wohl am ehesten um dasselbe gehen, nämlich um die Anzahl der Deutschen, die in die UdSSR repatriiert werden konnten.

Mit dem Einmarsch der Sowjetarmee in Gebiete der angrenzenden Staaten hatte die Frage der Repatriierung von Sowjetbürgern für die Sowjetführung praktische Bedeutung gewonnen. Am 18. August 1944 verabschiedete das Staatskomitee für Verteidigung der UdSSR den Erlass „Über die Organisation der Aufnahme von in die Heimat zurückkehrenden Sowjetbürgern, die von den Deutschen zwangsverschleppt wurden, und Sowjetbürgern, die aus anderen Gründen hinter die Grenzlinie zwi-

Эрна Кункель

« Война, репрессии, плен... Эти слова продолжают обжигать, пронизывать людей старшего поколения. А что они значат для нас, 20-летних? До последнего времени и к этим словам, и к событиям, которые стоят за ними, я, как и многие сверстники, относилась несколько отстраненно. Так продолжалось до тех пор, пока не услышала исповедь своей бабушки Эрны Готлибовны Кункель. И тогда во мне все перевернулось.

Эрна Кункель родилась в 1929 году в Ягодинке Житомирской области на Украине. В первые же месяцы войны в деревню нагрянули немцы, собрали попавшую на глаза молодежь, погрузили на машины, увезли. Сказали, что в Германию, работать. Спустя какое-то время объявили о том, что и остальным жителям деревни предстоит выехать в Германию и работать на рейх. С собой разрешили взять живность, чтобы в дороге было чем питаться.

Путь лежал в сторону Польши. Ехали, кто, как мог: на лошадях, различных тележках и повозках. Ночи коротали обычно в хлевах, рядом со своей живностью. В Польше подогнали составы, дальше ехали поездом. Дорога далась Эрне тяжело. За 20 дней ни разу не удалось выспаться и нормально поесть. Спасала мама, которая ободряла и утешала ее.

В Германии людей распределили в разные районы. Эрна сначала попала на сельхозработы. Осенью 1943 года ее направили в местечко Крайшлайц. Здесь был лагерь на 280 человек. Молодых девушек, таких как Эрна, определили домработницами в соседний городок. Она попала в дом врача Анны. Хозяйка отнеслась к своей помощнице на редкость внимательно, с сочувствием. Справившись с хлопотами в доме, к восьми часам вечера Эрна возвращалась в лагерь.

Жизнь начала налаживаться, как вдруг в лагерь нагрянула беда – брюш-

Внучка Эрны Кункель
Людмила Куликова

ной тиф. Людей увозили в больницы, но бороться за жизнь подневольных рабочих никто не собирался. Многие умерли. В изоляторе без сознания очутилась и Эрна. Но ей помогли: врач Анна, у которой она работала, не отходила от ее кровати, делала все возможное, чтобы спасти ее. Ей удалось. 16-летняя Эрна в Германии испытала и первую любовь. Его звали Николай. В Германию он попал как пленный, потом остался служить. Молодые строили планы на будущее. Николай уговаривал Эрну бежать в Америку. Она боялась неизвестности и от всех предложений наотрез отказывалась. Не согласилась даже тогда, когда узнала, что у нее будет ребенок. После Победы связь с Николаем прервалась

Три года подневольного труда в Германии закончились для моей бабушки после 9 мая 1945 года. И вот она снова на родной Украине. Конец неволи и возвращение домой ознаменовались рождением дочери. Но все это перечеркнуло постановление о высылке на спецпоселение на Север. Молодой женщине с ребенком на руках предстояло еще одно, едва ли не самое страшное путешествие – на спецпоселение. С 1946-го по 1954 г. она носила клеймо «враг народа». За что? За то, что была угнана в рабство и выжила в неволе? Или, может быть, за то, что в логове врага встретила людей, которым обязана и жизнью, и счастливыми мгновениями?

После 1954 года Эрна Готлибовна Кункель приняла решение остаться на Коми-земле, вопреки возможности уехать из глухой деревни в Германию. Место ссылки для нее стало вторым домом. Здесь она вышла замуж за Василия Петрищева, родились еще пятеро детей. Пошли внуки...

Людмила Куликова

густа 1944 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»¹⁰. В основе его лежал принцип обязательного возвращения всех попавших за рубеж граждан СССР на родину, тщательной их проверки и применения мер репрессий к «предателям».

В развитие этого документа на республиканском уровне были приняты совместные постановления совнаркомов и ЦК компартий. 4 октября были назначены высшие должностные лица: уполномоченным СНК (позднее Совмина) СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран стал генерал-полковник Ф.И. Голиков, его заместителями – генерал-полковник И.В. Смородинов и генерал-лейтенант К.Д. Голубев, помощниками – генерал-майор В.М. Драгун и А.А. Смирнов.

6 октября 1944 г. было принято постановление о деятельности уполномоченного СНК по делам репатриации. 23 октября Ф.И. Голиков возглавил Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран¹¹. Достаточно быстро это ведомство с помощью НКВД создало мощную инфраструктурную сеть – от репатриационных миссий, рыщущих по всему свету в поисках «подлежащих репатриации лиц», до районных представителей или служб, отвечавших за прием советских граждан на местах. Составным элементом этой сети стали проверочно-фильтрационные пункты и проверочно-фильтрационные лагеря, которых было развернуто около 200 только за пределами СССР.

11 ноября 1944 г. газета «Правда» опубликовала интервью Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС, в котором была изложена позиция руководства СССР по вопросу репатриации советских граждан. В интервью, в частности, говорилось: «... Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обма-

schen der UdSSR und Polen gelangt sind“ . Ihm zugrunde lag das Prinzip der unbedingten Rückkehr aller ins Ausland gelangten Staatsbürger der UdSSR in ihre Heimat, deren sorgfältiger Überprüfung und der Anwendung von Repressionsmaßnahmen gegen die „Verräter“.

Um diesen Erlass auf Republikebene umzusetzen, wurden gemeinsame Beschlüsse der Räte der Volkskommissare und der Zentralkomitees der kommunistischen Partei verabschiedet. Am 04. Oktober setzte man die höchsten Amtsträger ein: Bevollmächtigter des Rats der Volkskommissare (später des Ministerrats) der UdSSR für Angelegenheiten der Repatriierung von Staatsbürgern der UdSSR aus Deutschland und den von ihm besetzten Ländern wurde Generaloberst F.I. Golikow, seine Vertreter wurden Generaloberst I.W. Smorodinow und Generalleutnant K.D. Golubew. Gehilfen wurden Generalmajor W.M. Dragun und A.A. Smirnow.

Am 06. Oktober 1944 wurde der Erlass zur Tätigkeit des Bevollmächtigten des Rats der Volkskommissare für Angelegenheiten der Repatriierung verabschiedet. Am 23. Oktober trat F.I. Golikow an die Spitze der Verwaltung des Bevollmächtigten des Rats der Volkskommissare der UdSSR für Angelegenheiten der Repatriierung von Staatsbürgern der UdSSR aus Deutschland und den von ihm besetzten Ländern . Mit Hilfe des NKWD schuf sich diese Behörde sehr schnell ein effektives Infrastrukturnetz, angefangen von Repatriierungsmissionen, die alle Welt nach „der Repatriierung unterliegenden Personen“ durchkämmten, bis hin zu Bezirksvertretern oder -dienststellen, die für die Aufnahme der Sowjetbürger vor Ort zuständig waren. Ein Bestandteil dieses Netzes wurden die Überprüfungs- und Filtrationspunkte sowie die Überprüfungs- und Filtrationslager, von denen außerhalb der UdSSR etwa 200 eingerichtet wurden.

Am 11. November 1944 veröffentlichte die Prawda das Interview eines TASS-Korrespondenten mit F.I. Golikow, in dem dieser die Position der Führung der UdSSR zur Frage der Repatriierung von Sowjetbürgern darlegte. In diesem Interview heißt es unter anderem: „Menschen..., die dem Sowjetstaat gegenüber feindlich eingestellt sind, versuchen durch Betrug, Provokation u.Ä. das Bewusstsein unserer Bürger zu vergiften und sie zu zwingen, der ungeheuerlichen Lüge Glauben zu schenken,

...Продвижение германских войск было настолько стремительным, что в августе 1941 г. они уже были в районе Днепра. Из села Любомировка Николаевской области были мобилизованы мужчины на оборонительные работы в районе Днепра. В числе этих ребят оказался и Яков Гальфингер. Брат Якова, Эдмунд Дель был бригадиром тракторной бригады, и ему с бригадой надлежало эвакуировать всю технику за Днепр. Это задание выполнить не удалось, так как приближающиеся германские войска разбомбили переправу. Поскольку мост уже был взорван, технику пришлось утопить в Днепре, а люди вернулись домой. В селе Любомировка тем временем установилась уже новая власть...

В 1943 г., когда наметился перелом в войне и советские войска стали приближаться к Украине, населению было объявлено, что всех немцев будут вывозить в Германию. Украинцы, узнав об этом, стали дежурить за огородами, чтобы успеть занять крепкие немецкие подворья. Было приказано каждой семье соорудить телегу с кибиткой, погрузить в нее вещи, за телегой привязать корову. Всех собрали в один обоз и двинулись в сторону польской границы. Одиноких женщин с детьми командование отправило отдельно до станции. В их числе была старшая дочь деда Якова Эрна с двумя детьми. Обоз в сопровождении полицаев шел в сторону Винницы медленно. Молодежь и дети, которые ранее никогда не покидали родного села, были воз-

буждены новыми впечатлениями. Они шутили, дурачились. А родителям было не до смеха. В Виннице семья Гальфингер соединилась и в Брест отправилась в одном эшелоне. Там прошли карантин, получили другую одежду. Фрида Гальфингер (13 лет) вспоминает, что в первый раз в жизни получила красивое пальто с капюшоном в большую клетку. Из Бреста поезд прибыл в польский Врешен, где 15 сентября 1944 г. Яков получил немецкое гражданство. Всем нашли работу. Во Врешене семья Гальфингеров прожила около года. Когда русские были уже недалеко, всем было приказано двигаться на запад Германии. Из Врешена вся семья поехала к бабушке Анне в Галле, оттуда двинулись на север. Однажды населенный пункт, в котором они остановились на ночевку, заняли русские. Всех стали выгонять из домов и выстраивать для расстрела. Тогда Яков вышел вперед, заговорил по-русски, объяснил, что их угнали с Украины и они сами не знают куда им идти. Русские отпустили их. После многочисленных злоключений они оказались около городка Ратенау. Там через несколько месяцев они встретились с русскими. Однажды те сообщили им, что всех отправят домой. Посадили в грузовик и в сопровождении конвоя повезли в Польшу, до Варшавы. Оттуда по железной дороге в Россию. Людям обещали, что их отправят домой, но когда ветка полотна повернула на север, все поняли, что домой они больше не вернуться...

Семья Гальфингер

Семья Гальфингер.
Слева направо стоят:
Фрида (позднее Вебер),
Ольга (позднее Саблина),
Берта Пффеффер (позднее
Гальфингер), сидят: Эрна
Лорер (ур. Дель) с дочерью
Лилей, отец Гальфингер Яков
с внучкой Алицей (позднее
Кариус), мать Шарлотта
(ур. Дель).
Германия. 1944.

Семья Гальфингер была репатрирована в СССР и оказалась в поселке Ваенга (сегодня – в Мурманской области). В январе 1947 г. они были вызваны родственниками в Барнаул. Сегодня Гальфингеры проживают в Германии.

ном, провокацией и т. п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости... Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности. Если они станут честно выполнять свой долг по возвращению на Родину»¹². Вся дальнейшая пропагандистская работа официальных представителей СССР, сотрудников управления Ф.И. Голикова строилась на основе положений этого интервью. Буквально через несколько дней это интервью было распространено среди граждан СССР, находившихся в специальных лагерях на территориях, освобожденных Красной армией и войсками союзников. Затем оно было издано отдельной листовкой тиражом свыше 2 млн. экземпляров. Параллельно распространялись и другие агитационные материалы за возвращение на родину. Для репатриантов издавались даже специальные газеты «Родина зовет» и «Вести с Родины».

Но советские власти прекрасно понимали, что далеко не все окажутся доверчивыми и клюнут на эту агитацию. Поэтому с самого начала предусматривались и жестко принудительные меры к возврату советских граждан домой. Именно с этой целью при подготовке и в ходе Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции советское руководство оказало беспрецедентный нажим на своих союзников и в буквальном смысле слова вырвало у них обязательство передать всех без исключения советских граждан – перемещенных лиц советским властям.

dass die Sowjetheimat sie gleichsam vergessen, sich von ihnen losgesagt hätte und sie nicht mehr als Sowjetbürger betrachten würde. Diese Menschen machen unseren Landsleuten damit Angst, dass sie im Falle der Rückkehr in ihre Heimat Repressionen unterworfen würden. Es ist überflüssig, solchen Unsinn zurückzuweisen... Das Sowjetland denkt an seine in deutsche Sklaverei geratenen Staatsbürger und kümmert sich um sie. Sie werden zu Hause wie Söhne des Vaterlandes empfangen werden. In sowjetischen Kreisen ist man der Meinung, dass sogar jene Sowjetbürger, die unter deutschem Zwang und Terror Taten begingen, welche den Interessen der UdSSR zuwider waren, nicht zur Verantwortung gezogen werden sollen, wenn sie ihrer Pflicht in die Heimat zurückzukehren ehrlich nachkommen werden“ . Die gesamte weitere Propagandarbeit der offiziellen Vertreter der UdSSR, der Mitarbeiter der Verwaltung von F.I. Golikow, basierte auf den Leitsätzen dieses Interviews. Buchstäblich innerhalb von ein paar Tagen wurde dieses Interview unter den UdSSR-Bürgern, die sich in den Sonderlagern der von der Roten Armee und den Alliierten befreiten Gebiete befanden, verbreitet. Danach wurde es auf einem einzelnen Flugblatt mit einer Auflage von über 2 Mio. Exemplaren gedruckt. Parallel hierzu ließ man auch sonstige Materialien verbreiten, in denen für die Rückkehr in die Heimat agitiert wurde. Speziell für Repatrianten wurden sogar die Zeitungen „Die Heimat ruft“ und „Nachrichten aus der Heimat“ herausgegeben.

Aber die Sowjetbehörden verstanden nur zu gut, dass bei weitem nicht alle so vertrauensselig sein würden, auf diese Agitation hin anzubeißen. Deshalb wurden von Anfang an für die Rückführung von Sowjetbürgern nach Hause auch harte Zwangsmaßnahmen vorgesehen. Eben zu diesem Zweck hatte die Sowjetführung während der Vorbereitung und im Laufe der Konferenz der Staatsoberhäupter der Anti-Hitler-Koalition in Jalta einen beispiellosen Druck auf ihre Verbündeten ausgeübt und ihnen im buchstäblichen Wortsinn die Verpflichtung entzogen, ausnahmslos alle umgesiedelten Sowjetbürger den sowjetischen Behörden zu übergeben.

Семья Гуф

Мой дед Рудольф Гуф,
его сестры Эльза и Грета
и брат Роберт

Депортация российских немцев в Сибирь и Казахстан – страшная страница нашей истории. Судьбу своего народа сполна разделила и наша семья Гуф. К началу войны семья моего дедушки Рудольфа Андреевича Гуф состояла из шести человек: отец – Гуф Андрей Емельянович, мать – Гуф Ида Ивановна, мой дед – старший сын в семье, сестры Эльза и Грета и брат Роберт. Роберт родился за четыре дня до начала войны – 18 июня. Дедушке же тогда было всего 8 лет. Жили они в деревне Черемошно Житомирского района Житомирской области. Хозяйство у них было крепкое. Деревню окружали леса, и поэтому все в деревне занимались плотницким и столярным делом. Держали скотину. Но с началом войны все изменилось. Так как территория Украины быстро оказалась оккупирована. После расправы гитлеровцев с активистами из числа советских немцев остальные были объявлены фольксдойче (этническими немцами, формально гражданами рейха). В школах началось преподавание по специальным учебникам, привезенным из Германии. Люди противились, самых ярких убивали. Когда фашисты стали отступать, они забирали с собой жителей немецких деревень на так называемую историческую родину. Осенью 1942 (?) г. семья моего деда вместе со всеми жителями их деревни была вывезена фашистами в Германию. Несколько дней они пробыли в Польше, на границе с Германией. Потом их привезли в местечко Klein Mocha под Лейпцигом. Вся семья жила у немецкого фермера. Так как мой дед был самым старшим из детей, его отправили работать на молочный завод. Территория их проживания в 1945 г. оказалась под командованием советских войск, поэтому в 1947 (?) г. их всех погрузили ночью в вагоны для скота и отправили на спецпоселение в Сибирь. Наша семья попала в Омск. Все многодетные семьи отправляли в деревню. Но прадеду удалось с кем-то договориться, и семья осталась в городе. Первые два года после прибытия в Омск вся семья вместе с малолетними детьми еженедельно ходила отмечаться в органы НКВД. Потом стали отмечаться только взрослые, но все равно каждую неделю. Расселили их в бараках на улицах Северных. Так они все здесь и жили. Прадед погиб в 1971 г. А после смерти прабабушки в 1988 г. вся семья постепенно уехала в Германию. Остался в Омске только мой дед...

Уже нет с нами наших прадедов и дедов. Но и теперь в нашей маленькой семье мы сохраняем и соблюдаем немецкие традиции. Благо, нам ни нужно не от кого прятаться. Я должна беречь свой язык и свои традиции, заботливо передавать их другим поколениям. Я надеюсь, что мои дети и внуки будут так же, как и я, сохранять традиции и знать свой язык.

Алина Григорьева (16 лет)

На основе этих соглашений были заключены конкретные двусторонние соглашения между СССР и Великобританией, США, Францией, Бельгией и некоторыми другими странами – союзниками по антигитлеровской коалиции. При всей несхожести этих соглашений между собой общим в них было то, что «... советские Ди Пи (перемещенные лица. – А.Г.) после их идентификации советскими репатриационными представителями будут репатрированы независимо от их личного желания»¹³. Не так просто ответить на вопрос: что заставило западных союзников СССР пойти

Почти все немцы сознательно ушли на Запад, понимая неизбежность репрессий, ждавших их в случае попадания в руки советских властей.

на такую уступку? Ведь они прекрасно понимали, чем это могло грозить многим советским гражданам, особенно тем, кто хотел остаться на Западе по политическим соображениям. Скорее всего, здесь сыграли свою роль опасения в том, что если союзники будут препятствовать Советскому Союзу возвращать всех своих граждан, то он может

сделать то же самое: задержать или вообще отказаться передать им их граждан, оказавшихся в зоне советской оккупации.

Как бы там ни было, но именно уступка союзников стала роковой для судьбы советских немцев – перемещенных лиц. Уже отмечалось, что почти все они сознательно ушли на Запад, понимая неизбежность репрессий, ждавших их в случае попадания в руки советских властей. Теперь они были бессильны что-либо изменить в своей судьбе.

Вместе с тем нельзя не учитывать того, что бывшие советские граждане немецкой национальности составляли лишь незначительный процент от общего числа перемещенных лиц, и, мо-

Auf der Grundlage dieser Vereinbarungen wurden zwischen der UdSSR und Großbritannien, den USA, Frankreich, Belgien sowie einigen anderen verbündeten Ländern der Anti-Hitler-Koalition konkrete bilaterale Abkommen geschlossen. Bei all den Ungereimtheiten, die zwischen diesen Abkommen bestehen, ist ihnen doch eines gemeinsam, nämlich dass „... sowjetische Displaced Persons nach ihrer Identifikation durch die sowjetischen Repatriierungsvertreter ungeachtet ihres persönlichen Wunsches zu repatriieren sind“. Die Frage, was denn nun die Westalliierten der UdSSR dazu bewogen haben mag, sich auf dieses Zugeständnis einzulassen, lässt sich nicht ganz so einfach beantworten. Denn schließlich muss ihnen doch klar gewesen sein, welchen Bedrohungen sich dadurch viele ausgesetzt sehen würden, insbesondere jene, die aus politischen Überlegungen im Westen bleiben wollten. Am ehesten haben hier wohl Befürchtungen dahingehend eine Rolle gespielt, dass, wenn die Alliierten die Sowjetunion an der Rückführung all ihrer Staatsbürger hindern würden, diese das Gleiche tun könnte, nämlich deren in der sowjetischen Besatzungszone verbliebenen Staatsbürger zurückzuhalten oder deren Übergabe überhaupt zu verweigern.

Was dort auch immer geschehen sein mag, jedenfalls wurde eben dieses Zugeständnis der Alliierten für die sowjetdeutschen Displaced Persons zum Verhängnis. Wie bereits angemerkt, waren diese fast alle bewusst in den Westen gegangen, weil ihnen klar war, dass sie - falls sie den Sowjetbehörden in die Hände fielen - unausweichlich Repressionen ausgesetzt würden. Jetzt waren sie jedoch machtlos geworden und konnten an ihrem Schicksal nichts mehr ändern.

Gleichzeitig darf man nicht außer Acht lassen, dass die ehemaligen Sowjetbürger deutscher Volkszugehörigkeit lediglich einen unbedeutenden Prozentsatz der Displaced Persons ausmachten, und vielleicht ist es gerade diese Tatsache, die ihnen in der ersten Zeit ihre Lage bis zu einem gewissen Maß erleichterte. Einfacher formuliert heißt dies, dass die Sowjetführung vorläufig noch andere Sorgen hatte, als sich um sie kümmern. Am 18. Januar 1945 wurden zwei gemeinsame Direktiven des Befehlshabers im Hinterland der Roten Armee, des Armeegenerals

Зинаида Клат

Зинаида Клат со своими
детьми. Слева – отец Алии

Когда я была маленькой, мне казалось, что бабушка всегда была бабушкой. Я не очень интересовалась ее прошлым, просто любила свою бабулю. Но теперь я знаю: она была и маленькой, и юной. Какой она была? Желание понять это пришло ко мне давно. Живем мы с ней в разных государствах, но благодаря современным технологиям диалог с ней я веду постоянно. В моем воображении, как из мозаики, складывается картина ее детства и юности. То яркими мазками, то акварельной дымкой я рисую образ моей бабушки. Сквозь дымку июньской листвы темнеют силуэты домов. Асфальт стал мягким от жары, повисшей над Украиной. Воскресение, 22 июня 1941 г., подруги собираются идти гулять. Будут качели, карусели и мороженое! В приподнятом настроении Зинаида наводит последние штрихи. И тут по радио объявляют: началась война. Моей бабушке было 15 лет.

– Бабушка, как ты оказалось в Польше?

– В июне 1941 г. немецкие войска захватили Украину, и нас увезли в Польшу, где мы работали на строительстве дорог и укладывали камни. Нам платили за это копейки, еду привозили на машинах, спали мы на соломе....

– Было трудно?

– Трудно, не трудно, нас никто не спрашивал. Нас гоняли туда-сюда, туда-сюда... Это была не физическая боль, это была боль из-за того, что, возможно, ты никогда не увидишь своих родных...

– После победы вас повезли обратно на Украину?

– В мае 45-го нас уже русские войска заставили вернуться обратно. Погрузили в поезд и обещали отправить на Украину, а отправили в Казахстан.

Мне было уже 19 лет. Ехали четыре месяца, спали на соломе, на остановках искали воду, пили из любых источников, даже из луж, смешанных с кровью погибших людей. Нас привезли на станцию Колутон. За нами приехали на быках и повезли в Акимовку. Никто не хотел брать на квартиру. Потом меня взяла семья – дед и бабка, кушать было нечего... Спали опять же на соломе. Пошла работать дояркой, стала получать хотя бы продукты. Потом мы, три семьи (11 человек) собрались и купили одну землянку за 3,5 тыс. рублей. В 1951 г. я вышла замуж за казаха – Вакасова Кабдоша Ахмадиевича (после замужества бабушка сохранила свою девичью фамилию – Клат). В 1952 г. я родила сына (моего папу). Работала разнорабочей: техничкой в школе, сторожем и кочегаром в детском саду. Так как я была сиротой, я не могла учиться и получить профессию.

– А что случилось с твоими братьями и сестрами?

– Друг друга мы искали целых 20 лет. В 1958 г. я нашла старшую сестру Эмму в поселке Кировский Талды-Курганской области. Потом через Красный крест нашли братьев Германа и Августа. Август был вывезен в Сибирь и работал на лесоповале. Герман после войны тоже попал в Россию, в Костромскую область Кологривского района село Варзинга. В Сибирь попала и вторая сестра Эльза. Но, к сожалению, братья и сестры умерли... 22 марта этого года моей бабушке Зинаиде Клат исполнилось 85 лет. Я очень люблю ее, тем более что она у меня одна, и желаю ей долгой жизни!

Алия Вакасова (16 лет). Алия сегодня живет в Астане (Казахстан).

жет быть, именно это факт в какой-то мере облегчил на первых порах их положение. Если сказать проще, то пока советскому руководству было не до них. 18 января 1945 г. были изданы две совместные директивы начальника тыла Красной армии генерала армии Т. Хрулева и уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова № 1/1240645с и № 1/1240646с, согласно которым предусматривалось следующее деление всех репатриантов:

- бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав): направлялись в армейские сборно-пересыльные пункты (СПП), а после проверки органами СМЕРШ – в армейские и фронтовые запасные части;
- бывшие военнопленные офицеры: направлялись в спецлагерь НКВД;
- военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные: направлялись в спецлагерь НКВД;
- интернированное гражданское население (под ним понимались оstarбайтеры и другое гражданское население СССР, оказавшееся за пределами СССР): проходило проверку во фронтовых СПП и погранично-фильтрационных пунктах НКВД (ПФП), после чего мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронтов или округов, остальные – к месту постоянного жительства (но с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве);
- жители пограничных областей: проверялись в ПФП и отпускались домой;
- дети-сироты: направлялись в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик¹⁴.

Как видим, какой-либо отдельной категории для советских немцев или для других репрессированных советских народов не предусматривалось. Это позволяет утверждать, что и какого-то специального поиска советских немцев на территории евро-

T. Chruljow, und des Bevollmächtigten des Rats der Volkskommissare der UdSSR für Angelegenheiten der Repatriierung, F. Golikow, mit den Nummern 1/1240645с und 1/1240646с herausgegeben, denen zufolge folgende Unterteilung der Repatrianten vorgesehen wurde:

- ehemalige Kriegsgefangene (Mannschafts- und Unteroffiziersbestand); sie sollten den Sammel- und Verschickungsstellen der Armee zugewiesen und nach ihrer Überprüfung durch die Organe des SMERSCH zu Armee- und Frontreservetruppenteilen verbracht werden;
- ehemalige kriegsgefangene Offiziere wurden in NKWD-Sonderlager verbracht;
- Kriegsgefangene und Zivilpersonen, die in Spezialeinheiten der deutschen Truppe gedient hatten, Angehörige der Wlassow-Armee, Polizeiangehörige und sonstige Verdächtige wurden ebenso in NKWD-Sonderlager verbracht;
- die internierte Zivilbevölkerung (darunter waren die Ostarbeiter und sonstige Bevölkerungsteile der UdSSR zu verstehen, die außerhalb der Grenzen der UdSSR verblieben waren); sie durchliefen die Überprüfung in den frontnahen Sammel- und Verschickungsstellen und den grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkten des NKWD, wonach die Männer im wehrfähigen Alter in die Reservetruppenteile an den Fronten oder bei den Wehrkreiskommandos entsandt wurden, die übrigen zu ihren ständigen Wohnsitzen (allerdings mit dem Verbot, sich in Moskau, Leningrad und Kiew niederzulassen);
- die Einwohner der grenznahen Gebiete wurden in den grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkten des NKWD überprüft und nach Hause entlassen;
- die Waisenkinder wurden auf die Kinderheime und Waisenhäuser der Volkskommissariate für Bildung und der Volkskommissariate für Gesundheit der Unionsrepubliken verteilt .

Wie wir sehen, war für die Sowjetdeutschen oder für andere verfolgte Sowjetvölker keine eigene Kategorie vorgesehen. Das erlaubt die Feststellung, dass in den europäischen Ländern auch nicht eigens nach Sowjetdeutschen gesucht wurde. Sie wurden innerhalb des allgemeinen

Галина Чихляева

Строки, написанные сердцем

Всему виной она –
Проклятая война.
Я в Украине родилась,
И жизнь моя там началась...

Бомбежки, стекло звон,
Немыслимый перегон.
У фашистов отступление,
У нас угон, переселение.

До того так мирно жили,
Виноград, детей растили.
И кордон – не мания,
А привезли в Германию.

Время все перевернуло
И на Родину вернуло.
Выдержали испытание,
А дома – разочарование.

Ночные налеты НКВД
И мамин шепот: «Дэ цэ мы, дэ?»
Проверки, обыски, облава:
НКВДэшникам все мало.

Допросы ночами. Пугали.
Все, что имели, забрали.
Уж нечего было брать –
Решили тряпичного зайца отнять.

Пинком выбивали рамы.
Слышится голос мамы:
«Дэ доня? Доня дэ?»
А дочь уже в НКВД.

Пережили все потрясение –
Русских немцев шло выселение!
Путь лежал на Урал,
Где никто никогда не бывал.

Переполненный пульман. Голод.
Ночь в декабре. Холод.
Люди жмутся к «буржуйке»,
Не заметив затлевшей тужурки.

Прощайте, родные, акации, море...
Что ждет впереди? Может, черное горе?
Прощайте, Одесса, каштаны, мимозы,
Готовит судьба степи, шахты, морозы.

Опять наступила лихая пора:
Опять произвол, и режим, и пометки...
Чужая, чужая вокруг сторона
О том, что ты здесь, каждый месяц
отметки.

Так долго жили и стар и мал,
И каждый свое дело знал.
Терпели молча униженье,
Жить не утратили стремленья!

Все постепенно утряслось,
На новом месте обжилось.
Вторую Родину обрели,
К ней навеки приросли.

В Одессе сегодня российские немцы.
В Германии русские есть поселенцы.
Так где же их корни и кто их потомки?
Война превратила все судьбы
в обломки...

Галина Вильгельмовна Чихляева (Беккер), Алейск
Алтайского края. 2010

пейских стран не проводилось. Их выявляли общим порядком. Основная часть немцев-репатриантов проходила, главным образом, по четвертому пункту из шести, приведенных выше. Хотя были и те, кто прошел и по первым трем (советские немцы-военнопленные и те, чья служба в германских оккупационных структурах была установлена)¹⁵. Такая система деления репатриантов стала основной причиной того, что некоторые из немцев-репатриантов сумели после прохождения фильтрации вернуться на свою малую родину, но, к сожалению, не надолго. Органы НКВД быстро спохватились и стали направлять их в места спецпоселения.

О том, что органы НКВД заранее не продумали, что они будут делать с возвращающимися немцами-репатриантами, свидетельствует письмо начальника 1-го спецотдела НКВД Украинской ССР подполковника ГБ Смирнова от 5 июля 1945 г. начальнику 1-го спецотдела НКВД СССР полковнику ГБ Кузнецову с просьбой дать указания, что делать с немцами-репатриантами, возвращающимися после фильтрации на Украину в места своего прежнего проживания. Тут же ставился и еще один любопытный вопрос: «... подлежат ли прописке лица немецкой национальности, возвращающиеся на постоянное место жительства в г. Киев... какие документы необходимы для прописки. В случае отказа от прописки этим лицам, куда они подлежат переселению и каким порядком производить переселение»¹⁶. Характер задававшихся вопросов свидетельствует и о том, что, в частности, Смирнову не были известны даже директивы по репатриантам от 18 января, о которых мы говорили выше.

На письмо Смирнова ответ дал лично заместитель наркома внутренних дел В. Чернышов. Он приказал направить всех прибывших на Украину немцев в Новосибирскую область на спецпоселение, одновременно сообщив, что «лица немецкой национальности прописке на жительство в г. Киеве не подлежат»¹⁷. Интересно, что с подобными обращениями в централь-

Verfahrens ermittelt. Das Hauptkontingent der deutschen Repatrianten wurde im Wesentlichen Punkt 4 aus den o.g. sechs Punkten zugeordnet, obgleich es auch Fälle gab, die unter die Punkte 1 bis 3 fielen (sowjetdeutsche Kriegsgefangene und jene, die in den deutschen Besatzungsstrukturen Dienst geleistet hatten). Dieses Unterteilungssystem wurde zum Hauptgrund dafür, dass einige von den deutschen Repatrianten nach der Filtration in ihre Heimatorte zurückkehren konnten, leider jedoch nicht für lange Zeit. Die HKWD-Organen besannen sich sehr schnell und begannen sie auf Sondersiedlungen zu verteilen.

Dass sich die NKWD-Organen vorher nicht überlegt hatten, was sie mit den zurückkehrenden deutschen Repatrianten machen würden, verdeutlicht ein Schreiben des Leiters der 1. Sonderabteilung des NKWD der Ukrainischen SSR, des Oberstleutnants der Staatssicherheit Smirnow, vom 05. Juli 1945 an den Leiter der 1. Sonderabteilung des NKWD der UdSSR, den Obersten der Staatssicherheit Kusnezow, in dem er um Weisung bittet, was er mit den deutschen Repatrianten machen solle, die nach der Filtration in ihre alten Wohnorte in der Ukraine zurückkehren. In demselben Schreiben wurde eine weitere interessante Frage gestellt: „... ob Personen deutscher Volkszugehörigkeit, die an ihren ständigen Wohnsitz nach Kiew zurückkehren, der amtlichen Meldepflicht unterliegen..., welche Unterlagen für die Anmeldung erforderlich sind. Falls diesen Personen die Anmeldung verweigert wird, wohin sind sie dann umzusiedeln haben und nach welchem Verfahren die Umsiedlung zu erfolgen hat“. Die Art der gestellten Fragen zeugt auch davon, dass insbesondere Smirnow noch nicht einmal die Direktiven vom 18. Januar kannte, die wir oben bereits erwähnten.

Smirnows Schreiben wurde vom Stellvertreter des Volkskommissars für innere Angelegenheiten, W. Tschernyschow, beantwortet. Er gab den Befehl, alle in der Ukraine eingetroffenen Deutschen in die Sondersiedlungen des Gebiets Nowosibirsk verbringen zu lassen und teilte gleichzeitig mit, dass „Personen deutscher Volkszugehörigkeit in Kiew nicht mit amtlichem Wohnsitz gemeldet werden dürfen“. Interessant ist, dass sich dieselben ukrainischen Tschekisten mehrmals mit solchen Gesuchen an

Вильгельм Горх

Мой прадед Вильгельм Яковлевич Горх был родом из села Большая Аккаржа (Grossliebental, Большая Долина) Овидиопольского района Одесской области. Родился он в 1908 г. в бедной, многодетной семье. В положенное время женился на девушке Эмме, чьи родители позже были расстреляны. Они жили богато, и часть наследства досталась прадеду с женой. Прадед завел хозяйство, вступил в колхоз. И тут, наверное, наступил самый переломный момент в его жизни: он отказался помочь своим бедным родственникам, которые надеялись на помощь Вилли. В 1934 г. родился мой дед Иоган. Когда началась война, все родные прадеда были депортированы в Казахстан в Акмолинск. Лишь прадед остался на оккупированной территории со своей семьей. В конце 1941 г. поступил на службу в немецкую полицию. В 1942 г. родился еще один сын, назвали его Эрнст. Приближалась развязка войны, и прадед был эвакуирован с семьей в Вартегау, на границу Польши и Германии. В Польше родилась у них дочь Эмма. После войны моих родных, как граждан СССР, посадили в вагоны и отправили на север России, в Коми АССР, поселок Рыбница Кожвинского района. Прадед сбежал со спецпоселения в августе 1946 г., принятыми розыскными мерами 16 января 1947 г. был задержан. Военным трибуналом войск МВД Казахского округа от 24 января 1948 г. приговорен на основании ст.16-82 УК РСФСР к трем годам лишения свободы без поражения в правах с отбыванием наказания в ИТЛ, а также по статье 58-1а (измена Родине в форме перехода на сторону врага). Отбывал наказание в Долинке, т. е. в Карлаге. Прабабушка Эмма и ее дочь от голода и холода умерли в лагере в 1947 г. Мой дед был рабочим

в леспромхозе, а дядя Эрнст определен в детдом. Дедушка посещал брата, помогал.

Вскоре дед стал встречаться с девушкой в лагере. Она тоже была на спецпоселении из западной Украины. Родители ее были против их встреч и тем более женитьбы, но у них родился мальчик. Как назвали его, не знаем (предположительно Виктор). Дед списался с прадедом, который звал его переехать в Казахстан. Дед поехал на разведку, а вернувшись, не обнаружил своей жены и сына. Ему сказали, что она куда-то уехала с родителями и ребенком. К тому времени комендатуру сняли, и можно было уехать в любое место, кроме места прежнего проживания. Дед был неграмотный, так как на его детство выпала война и спецпоселение, поэтому он не мог ничего толком ни написать, ни искать, тем более ему на переезд было дано две недели, так как он уже устроился на работу в Казахстане. А за опоздание можно было попасть в тюрьму. И тогда дед возвращается в Казахстан, город Сарань. Здесь он встретил мою бабушку. Они поженились. Звали ее Анна Шефер. Всю ее семью в 1941 г. депортировали из Краснодарского края на Урал, в Копейск. Бабушка была в трудармии, строила завод. На Кубани осталось у них все – сады, домашнее хозяйство, пасека, дом. Бабушкин отец Конрад так и сгинул в трудармии. Мои бабушка и дедушка болели туберкулезом. Бабушка Анна заболела, находясь в трудармии. Именно эта болезнь сократила их земной путь. Бабушка умерла в 37 лет, несмотря на то что лечилась на курортах, дедушка умер в 50. У них родились сын Василий в 1958 г. (мой отец) и дочь Ирина в 1962 г....

Николай Горх (26 лет)

ный аппарат НКВД те же украинские чекисты обращались неоднократно, и каждый раз пункты и районы отправки немцев-репатриантов на спецпоселение были разными. То же можно сказать и о чекистах других территорий, где появлялись немцы-репатрианты, прошедшие проверку, например Прибалтики. Из этого можно сделать заключение, что в течение определенного периода времени (по всей видимости, до 14 августа 1945 г.) у центрального руководства НКВД не было четкого плана размещения немцев-репатриантов, и оно, направляя последних в те или иные места на спецпоселение, часто даже не согласовывало эти решения с местными органами власти и НКВД. Об этом свидетельствует и тот колоссальный наплыв немцев-репатриантов в Казахскую ССР, который вызвал настоящую панику у местного руководства.

В первых числах августа 1945 г. в адрес В. Чернышова поступила срочная телеграмма от руководства Казахского НКВД, в которой, в частности, говорилось, что в последнее время в Казахскую ССР поступают целыми эшелонами, к тому же без всякого предупреждения, лица немецкой национальности, прошедшие фильтрационную обработку в основном в Брестском погранично-фильтрационном пункте НКВД. Например, 24 июля на станцию Актюбинск прибыло 528 семей (1134 чел.), 28 июля – 750 семей (1079 чел.), 29 июля – 347 семей (750 чел.). В Акмолинскую область уже прибыло 3900 человек, в Карагандинскую область – 7908 и т. д. Такой наплыв репатриантов ведет к катастрофическим последствиям, так как люди оказываются без жилья и средств к существованию¹⁸.

Приведенная телеграмма свидетельствует также о том, что отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД и, в частности, его начальник генерал-майор Шитиков не выполнил (к сожалению, неизвестно, по какой причине) указания генерал-полковника В. Чернышова, поступившего еще 1 июля 1945 г. о том, что всех немцев – граждан СССР надлежало направлять:

die NKWD-Zentrale wandten und dass sich die Ortschaften und Bezirke, in welche die deutschen Repatrianten in eine Sondersiedlung verbracht werden sollten, jedes Mal änderten. Dasselbe lässt sich zu den Tschekisten aus anderen Gebieten berichten, in denen deutsche Repatrianten nach ihrer Überprüfung eintrafen, z.B. aus dem Baltikum. Hieraus lässt sich schließen, dass während eines bestimmten Zeitraums (allem Anschein nach bis 14. August 1945) die Führung der NKWD-Zentrale über keinen präzisen Plan für die Verteilung und Unterbringung der deutschen Repatrianten verfügte und dass sie die Zuweisung dieser Repatrianten zu den einen oder anderen Sondersiedlungen oft noch nicht einmal mit den lokalen NKWD-Organen abstimmt. Hiervon zeugt auch jener kolossale Ansturm deutscher Repatrianten auf die Kasachische SSR, der bei der lokalen Führung eine wahre Panik hervorrief.

In den ersten Augusttagen 1945 ging bei W. Tschernyschow ein Eiltelegramm der Führung des kasachischen NKWD ein, in dem unter anderem davon die Rede war, dass in letzter Zeit in der Kasachischen SSR in ganzen Güterzügen Personen deutscher Volkszugehörigkeit und zudem noch ohne jede Vorankündigung eintrüfen, welche hauptsächlich in dem grenznahen NKWD-Filtrationspunkt bei Brest das Filtrationsverfahren durchlaufen hätten. So seien z.B. an der Bahnstation Aktjubinsk am 24. Juli 528 Familien (1.134 Personen), am 28. Juli 750 Familien (1.079 Personen), am 29. Juli 347 Familien (750 Personen) angekommen. Im Gebiet Akmola seien schon 3.900 Personen und im Gebiet Karaganda 7.908 Personen usw. eingetroffen. Ein solcher Ansturm von Repatrianten bringe katastrophale Folgen mit sich, da die Menschen ohne Wohnraum und Existenzgrundlage seien.

Das zitierte Telegramm belegt ebenfalls, dass die Überprüfungs- und Filtrationslager des NKWD und insbesondere deren Leiter Generalmajor Schitikow die schon am 01. Juli 1945 eingegangenen Weisungen von Generaloberst W. Tschernyschow nicht befolgt hatten (leider ist der Grund hierfür nicht bekannt), dass mit allen Staatsbürgern der UdSSR deutscher Volkszugehörigkeit folgendermaßen umzugehen sei: „arbeitsfähige Alleinstehende und Personen aus Kleinfamilien, deren

Иван Штейнбек, Елена Дерингер

Дедушка и бабушка Сергея Гриценко Каспер Дерингер и Евгения (урожд. Штейнбек) со своими детьми

Тем, кто родился после войны, многое уже не понять, и того, что пережило то поколение, нам не пережить. Можно только слушать рассказы дедушек и бабушек, читать воспоминания тех, кто выжил, и стараться осознать, попытаться почувствовать, что они пережили, и сохранить это в памяти.

Очень многие депортированные немцы уже ушли, и вместе с ними уходит история. От нас и только от нас зависит, чтобы она не ушла навсегда. Мы, внуки и правнуки, знаем не так уж и много о своих родных, которые в 1940-х гг. были насильно депортированы. У меня в семье эта трагедия коснулась как прабабушку с ее семьей, так и прадедушку.

Мой прадедушка Штейнбек Иван Иосифович 1900 г. р. и вся его семья: жена – Штейнбек (Фукс) Александра Петровна; дочь – Евгения (моя бабушка) и сын Адольф, уроженцы города Краматорска, Сталинской области, были подвергнуты в административном порядке направлению на спецпоселение в Алтайский край, Троицкий район. По рассказам моей бабушки, я знаю только то, что в один день к ним пришли домой люди в

форме, велели быстро собраться (с собой им разрешили взять только одни документы, многие даже не успели захватить теплых вещей) и, погрузив их в машину, увезли на вокзал. Там их поместили в товарный вагон для скота, полно набитый людьми, среди которых в большом количестве были дети и старики. Никто не знал, какая судьба ожидает их. Очень долго добирались до места назначения, пережили голод, холод и унижение, люди болели, умирали, у них не было с собой ни лекарств, ни еды.

Еще тяжелее пришлось моей прабабушке Дерингер Елене Викентьевне, 1903 г. р., троим ее сыновьям и ее матери Дешле Магдалине, уроженцам села Кляйнлибельталь Овидиопольского района Одесской области, с октября 1941 г. по март 1944 г. проживавшим на

временно оккупированной противником территории. Работали они в собственном хозяйстве. В апреле 1944 г. Елена Викентьевна с двумя младшими сыновьями Иосифом и Пиусом были угнаны в Польшу, в город Вартебриг, где находились по 1945 г., а старший сын Каспер в августе 1944 г. был вывезен в Германию в село Гогенфольфин, где работал у хозяина по январь 1945 г. В мае 1945 г. был вновь выслан из Германии в Польшу, где воссоединился со своей семьей. В августе 1945 г. семью в полном составе из Польши по национальному признаку в административном порядке направили на спецпоселение в Вологодскую область, Вожегодский район, деревню Либник, где они находились по май 1948 г. После чего были перенаправлены в Алтайский край, Троицкий район.

«трудоспособных одиночек и малосемейных, в числе которых большинство трудоспособных» – в Богословлаг НКВД СССР (в Свердловской области) и Ухтинский комбинат НКВД (Коми АССР), а «многосемейных» – в Таджикскую ССР на станцию Сталинабад «в распоряжение НКВД Таджикской ССР»¹⁹. Видимо, поэтому 14 августа во все проверочно-фильтрационные пункты НКВД из Москвы ушла еще одна очень грозная по содержанию телеграмма, требовавшая «дальнейшую отправку немцев – граждан СССР во все области Казахской ССР прекратить» и направлять их туда, куда указывалось в телеграмме от 1 июля, т. е. в Богословлаг, в Ухтинский комбинат и Таджикскую ССР с теми же критериями сортировки²⁰.

Следует отметить, что, как показывают исследования, первые немцы-репатрианты небольшими группами начали прибывать на территорию СССР приблизительно с января 1945 г. Именно им еще удалось, хоть и не надолго, побывать в родных местах. Однако поток репатриантов быстро нарастал и принял характер настоящего половодья в июле-августе 1945 г. Документы свидетельствуют, что в это время в пограничных проверочно-фильтрационных пунктах и лагерях скопилось большое число советских немец-репатриантов и условия их пребывания там были весьма нелегкими. В подтверждение приведем телеграмму начальника Брестского пограничного проверочно-фильтрационного пункта подполковника Смурова в адрес наркома внутренних дел Л. Берии от 19 августа 1945 г. Уже сам факт того, что чиновник среднего ранга, минуя все промежуточные инстанции и тем самым нарушая ведомственный устав, напрямую обращался к своему главному руководителю – наркому, да еще такому человеку, как Берия, свидетельствует о том, что обстановка в этом лагере приняла катастрофический характер.

Смуров сообщал Берии: «На Брестском проверочно-фильтрационном пункте НКВД сосредоточилось до 7000 человек русских немцев. Из них мужчин 797, женщин 2420, детей 3037. Все они

Mitglieder in ihrer Mehrheit arbeitsfähig sind,“ in das BogoslowLag des NKWD der UdSSR (im Gebiet Swerdlowsk) und in das Kombinat Uchta des NKWD (Komi ASSR), und „Kinderreiche“ in die Tadschikische SSR zur Bahnstation Stalinabad „zur Verfügung des NKWD der Tadschikischen SSR“. Offensichtlich war dies der Grund dafür, dass am 14. August an alle Überprüfungs- und Filtrationspunkte des NKWD aus Moskau ein weiteres Telegramm mit sehr drohendem Unterton ging, in dem gefordert wurde, „die weitere Verbringung von Staatsbürgern der UdSSR deutscher Volkszugehörigkeit in alle Gebiete der Kasachischen SSR einzustellen“ und sie an die Orte zu schicken, die im Telegramm vom 01. Juli genannt seien, das heißt, in das BogoslowLag, das Kombinat Uchta und die Tadschikische SSR nach denselben Aufteilungskriterien .

Hier ist anzumerken, dass – wie aus den Untersuchungen hervorgeht – die ersten deutschen Repatrianten etwa ab Januar 1945 in kleinen Gruppen in der UdSSR eintrafen. Eben sie waren es, denen es, wenn auch nicht für lange Zeit, gelang, in ihren Heimatorten zu bleiben. Der Strom der Repatrianten wuchs jedoch schnell an und nahm in den Monaten Juli und August 1945 die Formen einer wahren Flutwelle an. Die Dokumente belegen, dass sich in dieser Zeit in den grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkten und Lagern eine große Anzahl sowjetdeutscher Repatrianten angesammelt hatte und deren Existenzbedingungen dort alles andere als leicht waren. Als Beweis führen wir ein Telegramm des Leiters des grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunktes bei Brest, des Oberstleutnants Smurow, an den Volkskommissar für innere Angelegenheiten, L. Beria, vom 19. August 1945 an. Schon allein die Tatsache, dass sich ein mittlerer Beamter unter Umgehung des gesamten Dienstweges und unter Verstoß gegen die Dienstvorschrift direkt an seinen obersten Chef, den Volkskommissar, wandte, und dann auch noch an einen solchen Menschen wie Beria, belegt, dass die Umstände in diesem Lager katastrophale Ausmaße annahmen.

Smurow teilte Beria Folgendes mit: „Im grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkt des NKWD bei Brest sind 7.000 Russlanddeutsche kon-

Супруги Менг и Гевейлер

Супруги Менг и Гевейлер.
Соликамск, 1965 г.
Из архива В.Ф. Гевейлера.
Слева направо: Мина
Менг с внучкой, Амалия
Гевейлер, Адольф Менг,
Филипп Гевейлер. В 1942 г.
семья Менг вывезена
из Стрельнинской колонии
в Германию, после
репатриации находилась
на спецпоселении
в Соликамске.

находились на сборно-пересылочных и фронтовых лагерях. На руках имеются документы в разные районы Союза. На подходе к Бресту русских немцев до 30 эшелонов. Вагонов для отправки железная дорога не предоставляет. Прошу вашей помощи в предоставлении пункту 50 вагонов ежедневно».²¹

У приведенной выше телеграммы есть еще один интересный аспект. Она говорит о том, что люди, попавшие на Брестский ПФП НКВД, уже до этого прошли проверку на фронтовых и армей-

ских ПФП, где их проверяли специальные комиссии с участием сотрудников СМЕРШ. Более того, у них уже были конкретные направления на поселения. Значит ли это, что в Бресте они проходили по-

вторную проверку органами НКВД? Думается, что нет. Скорее всего, Брестский ПФП использовался как перевалочная база для перегрузки, поскольку в Европе, как известно, железнодорожная колея уже, чем в СССР. Об этом косвенно свидетельствует и письмо В. Чернышова от 21 августа 1945 г. начальникам отделов ПФЛ и спецпоселений НКВД СССР, в котором он требует от них принять меры к экстренной разгрузке отнемцев-репатриантов проверочно-фильтрационного пункта в г. Волковыске Гродненской области Белорусской ССР, где их также скопилось несколько тысяч. Приказывая отправить немцев-репатриантов на спецпоселение, В. Чернышов тут же дает указание прибывших в тот же ПФЛ бывших эсэсовцев в числе 1100 человек подвергнуть проверке.²²

На июль-август 1945 г. приходился пик в числе немцев-репатриантов, поступавших ежемесячно в СССР. В дальнейшем их поток стал постепенно уменьшаться, но не иссякал еще многие месяцы, в том числе он имел место и в 1946 г. Например, в январе 1946 г. 310 репатриантов из Латвии были направлены в Тюмен-

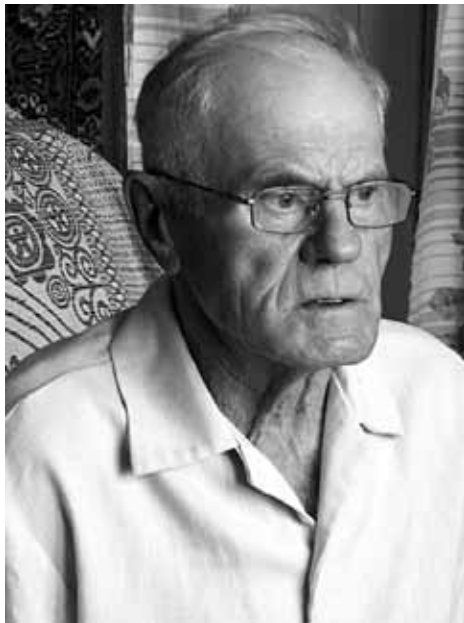
центриert. Hiervon sind 797 Männer, 2.420 Frauen und 3.037 Kinder. Alle haben sie sich in Sammel- und Verschickungsstellen sowie Frontlagern befunden. Sie haben Dokumente für verschiedene Bezirke der Union in der Hand. In Richtung Brest sind bis zu 30 Züge mit Russlanddeutschen unterwegs. Die Eisenbahn stellt keine Waggons für den Weitertransport zur Verfügung. Ich ersuche um Ihre Unterstützung mit 50 Waggons täglich.”

Das o.g. Telegramm enthält einen weiteren interessanten Aspekt. Es ist die Rede davon, dass Menschen, die im grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkt des NKWD bei Brest eingetroffen sind, schon vorher in den Überprüfungs- und Filtrationspunkten der Armee und an der Front Überprüfungen durchlaufen haben, welche durch Sonderkommissionen unter Hinzuziehung von Mitarbeitern des SMERSCH erfolgt sind. Darüber hinaus hatten sie schon konkrete Zuweisungen zu Siedlungen. Heißt dies, dass sie in Brest durch die NKWD-Organе noch einmal überprüft wurden? Das ist wohl kaum anzunehmen. Es ist eher so, dass der grenznahe Überprüfungs- und Filtrationspunkt des NKWD bei Brest als Umschlagsbasis für die Umladung genutzt wurde, denn in Europa ist bekanntermaßen die Eisenbahnspurweite enger als in der UdSSR. Hiervon zeugt indirekt auch ein Schreiben W. Tschernyschows vom 21. August 1945 an die Leiter der Abteilung Überprüfungs- und Filtrationslager und der Abteilung Sondersiedlung des NKWD der UdSSR, in dem er sie dazu auffordert, Maßnahmen zur Soforträumung des Überprüfungs- und Filtrationspunktes der Stadt Wolkowysk, Gebiet Grodno, Weißrussische SSR, von deutschen Repatrianten zu ergreifen, die sich auch dort bereits zu einigen Tausenden angesammelt hatten. Der Befehl W. Tschernyschows, die deutschen Repatrianten in Sondersiedlungen zu verbringen, enthält zudem die Weisung, die in diesem Überprüfungs- und Filtrationspunkt eingetroffenen ehemaligen 1.100 SS-Mitglieder einer Überprüfung zu unterziehen.

Im Juli und August 1945 erreichte die Anzahl der monatlich in der UdSSR eintreffenden deutschen Repatrianten ihre Höchstmenge. In der Folgezeit begann der Strom allmählich abzunehmen, kam jedoch noch lange Monate nicht zum Versiegen und hielt auch 1946 noch an. Im Ja-

В СССР было возвращено свыше 200 тысяч немцев-репатриантов.

Франц Тайхриб

В окрестностях Францсталя, где мы жили до войны было много немецких поселков. Все поселки располагались в ряд, до города Токмак. По преданию, при Екатерине Великой мои предки переселились из Голландии, они были меннонитами. В семье у нас было четверо детей: Иван (1927 г.р.), Петр (1928 г.р.), Дмитрий (1930 г.р.), Франц (1932 г.р.). Все родились на Украине.

Когда началась война, мобилизации в нашем селе не было. Немцы заняли село в 1941 году. Колхозы ликвидировали, скот раздали населению, разделили и землю. Каждый стал жить своим хозяйством. Работали много. Но и оставалось время на танцы под гармошку и пение. Мы хорошо понимали немецкий язык, на котором говорили солдаты. Этот литературный язык выучили в школе. Диалект Plattdietsch, на котором мы говорили между собой, солдаты понимали плохо. До сих пор я говорю на этом диалекте.

До 1943-го никого в Германию не забирали, даже молодежь. В 1943 году, когда фронт стал приближаться, всех насильно вывезли. Нашу семью это коснулось тоже. Уходили всем селом, колонной. Впереди на грузовике-полуторке ехал бывший председатель колхоза. Он готовил места для ночлега. За машиной – все остальные семьи на лошадях. У нас была большая телега, в которую были запряжены две лошади. Переврались через Днепр. Там сделали большую остановку. Потом добрались до железной дороги, где всех погрузили в эшелон и повезли в Польшу. Там мы пробыли год. Недалеко от города Шлаков нам дали квартиру. Работали мы на хозяина-помещика, у которого было большое хозяйство. Кормили очень хорошо. Кормил хозяин три раза в день, а еще на поле приносили кофе, хлеб с маслом и колбасой. Кроме этого, давали талоны на продукты. Наемных рабочих было много. В основном это были поляки. Их кормили так же, как и немцев, и еще платили.

В 1944 году немцев вывезли в Германию, в какой-то городок в 30 километрах от Эльбы. Поселили у помещика, у которого был свой спиртовой завод. Мы и работали у него, но недолго – война закончилась. Все члены семьи имели документы и паспорта, но в армию отца и старших братьев не брали.

В 1945 году, после окончания войны, всех погрузили в эшелоны и повезли, как сказали, на родину. Но привезли в Коми. Выгрузили на станции в Княжпогосте. Затем на лошадях привезли в Визингу, а от ту-да – в поселок Ниашор. Ниашор был большим поселком. Он был основан раскулаченными поселенцами. К тому времени, когда привезли немцев, поселок уже был благоустроенным, застроенным большими рубленными домами на четыре квартиры каждый (квартира – одна комната и кухня). Поселенцы были уже вольными людьми, по крайней мере, большинство из них, уже на учете не состояли. В поселке был не лесопункт, а колхоз «Сталинец» (но были лесозаготовительные бригады из колхозников, которые отправляли на лесозаготовки на зиму в леспромхозы). Колхоз был передовым. Поля были огромные, выращивали рожь, овес, ячмень и даже пшеницу. Урожаи были хорошие. Когда я стал механизатором и работал в колхозе, получал на трудодень 3 килограмма зерна, не знал, куда его деть. В поселке был большой детский дом на 500 человек. В Ниашоре мы купили квартиру в стандартном бревенчатом 4-квартирном доме. Немцы отмечались у коменданта. Но мне разрешили уехать на учебу. Помог директор Визингской МТС (зимой колхозные механизаторы работали в Визинге в МТС, ремонтировали технику, я работал с ними). В 1956 году я женился. В 1957 семья переехала в Бортом, так как из Ниашора все разъехались, детдом закрыли. В Бортоме работал на лесозаготовках.

Воспоминания Тайхриба Франца Ивановича

скую область, в феврале – 800 человек из ПФП Закарпатья последовали туда же. В марте 681 немец из Владимир-Волынского ПФП Украинской ССР был направлен в Сталинабад. В апреле 1250 репатриантов, скопившихся на ПФП во Франкфуртена-Одере, отправили на станцию Котлас Архангельской области²³. Точно определить процесс завершения репатриации советских немцев пока представляется невозможным. Для этого нужны еще более глубокие и тщательные исследования документов Управления Ф. Голикова, отделов ПФЛ и спецпоселений НКВД, а также документов армейских и фронтовых СПП Министерства обороны СССР.

В целом, по опубликованным данным, в СССР были возвращены свыше 200 тыс. немцев-репатриантов. Точное их число назвать невозможно, так как приводимые данные хоть и близки друг к другу, но все же несколько разнятся. Кроме того, некоторые из этих данных показывают численность репатриантов уже через несколько лет после войны. Тем не менее, даже приблизительное число репатриированных позволяет заключить, что не всех немцев, покинувших в годы войны СССР, советским репатриационным органам удалось вернуть. Примерно третья их часть осталась на Западе.

Те же, кто был возвращен в СССР, оказались расселены буквально по всей территории Советского Союза. В 1991 г. российский исследователь В. Земсков опубликовал в журнале «История СССР» интереснейшие материалы, посвященные заключенным, спецпоселенцам, ссыльнопоселенцам, ссыльным и высланным в СССР (такова была градация репрессированных в НКВД–МВД СССР. – А.Г.) по состоянию на 1 января 1953 г. Среди широко многообразия различных категорий репрессированных можно вычленилть и немцев-репатриантов.

Из приведенной В. Земсковым статистики явствует, что, по данным МВД СССР, в январе 1953 г.²⁴ в СССР на спецпоселениях находились 208 388 немцев-репатриантов. Из них в наличии

нвар 1946 wurden z.B. 310 Repatrianten aus Lettland in das Gebiet Tjumen verbracht, im Februar 800 Personen aus dem Überprüfungs- und Filtrationspunkt der Karpato-Ukraine ebenfalls dorthin. Im Mai wurden 681 Deutsche aus dem Überprüfungs- und Filtrationspunkt Wladimir-Wolynski in der Ukrainischen SSR nach Stalinabad verschickt. Im April transportierte man die 1.250 Repatrianten, die sich im Überprüfungs- und Filtrationspunkt in Frankfurt an der Oder angesammelt hatten, zur Bahnstation Kotlas im Gebiet Archangelsk. Den abschließenden Prozess der Repatriierung der Sowjetdeutschen genau zu verfolgen, ist bis jetzt immer noch nicht möglich. Hierfür wäre eine intensivere und genauere Untersuchung der Dokumente der Verwaltung von F. Golikow, der Abteilung Überprüfungs- und Filtrationslager und der Abteilung Sondersiedlung des NKWD sowie der Dokumente aus den Sammel- und Verschickungsstellen bei der Armee und an der Front des Verteidigungsministeriums der UdSSR nötig.

Insgesamt wurden den veröffentlichten Daten zufolge über 200.000 deutsche Repatrianten in die UdSSR zurückgeführt. Eine genaue Zahl zu nennen ist unmöglich, denn die angeführten Daten ähneln sich zwar, weisen aber trotzdem Unterschiede auf. Zudem ist in diesen Daten die Anzahl der Repatrianten erst für einige Jahre nach dem Krieg angegeben. Nichtsdestoweniger lässt sogar der für die Anzahl der Repatriierten erhaltene Näherungswert den Schluss zu, dass es den sowjetischen Repatriierungsbehörden nicht gelang, alle Deutschen, die in den Kriegsjahren die UdSSR verlassen hatten, zurückzuführen. Etwa ein Drittel von ihnen blieb im Westen.

Die in die UdSSR Zurückgeführten wurden jedoch buchstäblich über das gesamte Staatsgebiet der UdSSR verteilt. 1991 publizierte der russische Wissenschaftler W. Semskow in der Zeitschrift „Geschichte der UdSSR“ hochinteressante Materialien, die sich mit Stand zum 01. Januar 1953 auf Gefangene, Sondersiedler, Zwangssiedler, Verbannte und Ausgewiesene in der UdSSR (dies war die Abstufung der Repräsentierten im NKWD-MWD der UdSSR. – A.G.) beziehen. Aus der breiten Kategorienvielfalt der Repräsentierten lassen sich auch die deutschen Repatrianten ausgliedern.

Имя Грунвальд я получил от дедушки: он участвовал в Грунвальдской битве, в честь нее меня и назвали. Дед Готлиб Реер дослужился до звания старшины. Был участником Русско-японской и Первой мировой войн. В каждой войне получил по Георгиевскому кресту, в японскую за то, что благодаря его хитрости смогли взять амбразуру. Во время Великой Отечественной войны оба креста отобрали немцы. Кстати, прадед по материнской линии, Густав Лянге, уехал работать в Америку на литейном заводе. Хорошо зарабатывал, но обратно его не пустили. Имел двухэтажный дом. На производстве получил травму глаза, что вызвало частичную потерю зрения. От него пришло только одно письмо. В нем он написал, что если бы мы к нему приехали, то он смог бы нас всех обеспечить.

Мы жили в большом селе Круглик, недалеко от немецких колоний Антоновка и Дерманка. В 1939 году наша семья переехала в новый дом, половина крыши которого была покрыта черепицей, а другая половина – соломенной. У всех остальных домов были только соломенные крыши. Дом был из бруса, дылено-вый, состоял из четырех комнат – кухни, зала, детской и столовой. На кухне была русская печь. Возле дома был сарай и огород. Всего было шесть соток земли. Сад у них был одним из самых лучших. Там были груши, райские яблони, антоновка, но любимым лакомством были цыганки (перезревшие яблоки). Помню, что в 1932 году были сильные морозы. У всех погибли сады. А мой дедушка для того, чтобы сад не замерз, разводил костры, и благодаря дымовой завесе, смог спасти сад.

Однажды ночью (уже шла война) к дому прискакал комендант Гарлиш с плеткой и пистолетом и велел немедленно собраться, потому что немцы проводят эвакуа-

цию. Наша семья, как и многие другие семьи, пошла пешком в Шепетовку. Там вагоны стали бомбить советские войска. Из-за бомбежки началась неразбериха, и брат Алексей смог убежать. Как потом стало известно, его приютила одна женщина.

Наша семья попала в город Лисманнштадт. Работали мы у господина фон Шауберта. Бабушка и дедушка были на тот момент были определены в дом престарелых. Я работал у владельца хозяйственного магазина господина Зандерса, жена которого часто болела и была бесплодна. Хозяин относился ко мне, как к сыну. Приходилось делать всякую работу и по дому, и в магазине. В лагере кормили плохо (завтрак и ужин – чашка кофе, булочка; обед – ложка шпината, две картошки). Мой младший брат ввиду маленького возраста получал на одну булочку больше, но делился со мной половинкой.

Когда стали подходить советские войска в 1943 году, нас перевезли в Чехословакию – в Эгер. Мать из-за беременности осталась в Оберлике и родила мертвого сына. После войны ее увезли в Вологду. Бабушка и дедушка были сосланы в Иваново, там они позднее и встретились с внуком Алексеем, который обучался в этом же городе. Полгода наша семья пробыла в Эгере, откуда нас никуда не выпускали. Освободили город американцы. Приехали послы различных наций. Русский посол записал наши фамилии и чуть позже нас забрали и через сборный пункт на Эльбе отправили домой. Домой отправляли всех, кроме лиц немецкой национальности. Подруга сестры посоветовала изменить свои имена и фамилии на русские, а дома уже сказать, что документы были утеряны. Так мы и поступили. Когда мы вернулись домой, дом был занят. В марте 1949 года мы приехали к отцу в село Мырты-Ю. В 1954-м к нам присоединился Алексей.

Грунвальд Реер

Из воспоминаний Грунвальда Реера. Грунвальд Григорьевич родился в 1930 году в селе Круглик Берездовского района Хмельницкой области. Сегодня проживает, в селе Исанево Сысольского района Республики Коми.

числились 203 796 человек, в розыске находились 147, были арестованы 4445. В исправительно-трудовых лагерях и на стройках МВД трудились 540 репатриантов.

Среди находившихся на спецпоселении больше всего – 145 858 человек (70 %) – проживало в РСФСР, 42 850 человек (20 %) – в Казахской ССР и 18 023 человека (8,7 %) – в Таджикской ССР. В других союзных республиках (Узбекской, Киргизской, Туркменской) проживали остальные 2,3 % немцев-репатриантов. В РСФСР немцы-репатрианты проживали в 9 автономных республиках, 4 краях и 29 областях. Ареал проживания этой категории немцев включал в себя обширную территорию от Московской и Тульской областей на западе до Приморского края, Сахалина и Дальнего Севера (т. е. Колымы, Камчатки и Чукотки) на востоке, от Крайнего Севера до южной границы СССР с Монголией. Наибольшее число репатриированных немцев проживали: на Урале (в Молотовской обл. – 17 831, Свердловской обл. – 12 076, Удмуртской АССР – 7 580, Челябинской обл. – 4264 и др.); на Европейском Севере РСФСР (в Архангельской обл. – 10 976, в Коми АССР – 10 131, в Вологодской обл. – 9462 и др.); в Западной Сибири (в Алтайском крае – 13 841, в Новосибирской обл. – 13 262, в Томской обл. – 5830, в Кемеровской обл. – 4888 и др.).

Неожиданно много немцев-репатриантов оказалось расселено в центральных областях и Волго-Вятском регионе (Костромская обл. – 6342, Кировская обл. – 5735, Марийская АССР – 2594, Ивановская обл. – 1779, Горьковская обл. – 1174 и др.) Достаточно большие группы репатриированных немцев имелись в республиках, краях и областях Восточной Сибири (в Иркутской обл. – 4418, в Красноярском крае – 3200, в Якутской АССР – 977, в Бурят-Монгольской АССР – 867 и др.).

В целом ряде республик, краев и областей репатрианты оказались в совершенно незначительных количествах (например, на Сахалине – 1, во Владимирской обл. – 2, в Рязанской обл. – 8 и т. п.). Скорее всего, в отмеченные места эти люди попали уже по

Die von W. Semschow angeführte Statistik zeigt, dass sich laut Daten des MWD der UdSSR im Januar 1953 208.388 deutsche Repatrianten in Sondersiedlungen befanden. 203.796 waren erfasst, nach 147 wurde gefahndet und 4.445 waren in Haft. In Besserungsarbeitslagern und auf Baustellen des MWD waren 540 Repatrianten eingesetzt.

Von den in Sondersiedlungen Befindlichen, lebten die meisten, nämlich 145.858 Personen (70%) in der RSFSR, 42.850 Personen (20 %) in der Kasachischen SSR und 18.023 Personen (8,7 %) in der Tadschikischen SSR. In anderen Unionsrepubliken (der usbekischen, kirgisischen und turkmenischen) lebten die restlichen 2,3 % der deutschen Repatrianten. Innerhalb der RSFSR lebten die deutschen Repatrianten in 9 autonomen Republiken, 4 Regionen und 29 Gebieten. Das Verbreitungsgebiet dieser Kategorie von Deutschen umfasste ein riesiges Territorium von den Gebieten Moskau und Tula im Westen bis zur Region Primorje, bis Sachalin und bis zum „Fernen Norden“ (d.h. bis Kolyma, bis zur Kamtschatka und Tschukotka) im Osten, vom „Hohen Norden“ bis zur Südgrenze der UdSSR mit der Mongolei. Die überwiegende Anzahl der repatriierten Deutschen lebte in folgenden Gebieten: im Ural (im Gebiet Molotow 17.831, im Gebiet Swerdlowsk 12.076, in der Udmurtischen ASSR 7.580, im Gebiet Tscheljabinsk 4.264 u.a.); im europäischen Norden der RSFSR (im Gebiet Archangelsk 10.976, in der Komi ASSR 10.131, im Gebiet Wologda 9.462 u.a.); in Westsibirien (in der Region Altai 13.841, im Gebiet Nowosibirsk 13.262, im Gebiet Tomsk 5.830, im Gebiet Kemerowo 4.888 u.a.).

Unerwartet viele deutsche Repatrianten wurden in den zentralen Gebieten und im Flussbecken von Wolga und Wjatka angesiedelt (Gebiet Kostroma 6.342, Gebiet Kirow 5.735, Marische ASSR 2.594, Gebiet Iwanowo 1.779, Gebiet Gorki 1.174 u.a.). Recht große Gruppen repatriierter Deutscher gab es auch in den Republiken, Regionen und Gebieten Ostsibiriens.

In einer ganzen Reihe von Republiken, Regionen und Gebieten waren die Repatrianten nur mit einer ganz kleinen Minderheit vertreten (z.B. auf Sachalin 1, im Gebiet Wladimir 2, im Gebiet Rjasan 8 u.Ä.). Es wird

Елена Герасимова

Елена Герасимова (с газетой)
на нижнем складе
Кужбинского лесопункта Усть-
Куломского р-на Коми АССР.
1956.

« Моя бабушка, Елена Александровна Герасимова, немка. Родилась она в 1933 г. в Житомирской области. Когда началась война, ее семья не успела эвакуироваться и до ноября 1943 г. находилась в оккупации. А когда советские войска начали наступать, то немецкая армия отправила на Запад многих мирных жителей, в том числе и мою прабабушку Иду Вильгельмовну Лангнер с детьми. Она попала в лагерь для иностранных рабочих в Линце. Весной 1945 г. войска союзников освободили военнопленных и восточных рабочих, которых затем вывезли в Грац. Там был сборный пункт по отправке угнанных людей на Родину. Всем освобожденным выдали солдатские пайки, погрузили в товарные вагоны. Ехали через Венгрию, Чехословакию, Польшу. В каждом из этих государств задерживали в «фильтрационных» лагерях. В этих лагерях мою прабабушку допрашивали: кто она, откуда, как попала в Германию? Имела ли связи с немцами? У нее не было документов, и на первом же допросе она назвала себя Зинаидой Васильевной, скрыв свое настоящее имя, так как боялась, что расстреляют вместе с детьми. В августе 1945 г. прибыли на родную станцию Белокоровичи. Родовались, что вернулись живыми на Родину. Но Родина не прощает ошибок, а ошибка была в том, что они немцы.

Согласно директиве НКВД СССР №181 от 11.10.1945 г. советских немцев, вывезенных в годы войны в Германию, Австрию, Польшу, Чехословакию, переселяли в восточные районы страны. Эта участь постигла и семью бабушки. В ноябре 1945 г. в суточный срок им приказали собраться. Районный НКВД выделил милиционера, который сопровождал семью от станции Белокоровичи до пункта назначения. Вместе с ними в поезде ехали семьи с Украины, Молдавии, Белоруссии, Чехословакии. Никто не знал, куда их везут. Конечной остановкой была станция Княжпогост. Отсюда многих отправили по этапу в Усть-Вымлаг. Семью бабушки направили на станцию Вёздино – «105 км». Там уже жили спецпоселенцы. Поселили в бараки. Было тяжело: непривычно холодная и продолжительная зима, постоянная нехватка еды забирали последние силы. Жили в бараках, спали на двухъярусных нарах, вместо матрасов и подушек стелили еловые ветки. Каждые три дня Ида Вильгельмовна должна была отмечаться в спецкомендатуре. В декабре 1946 ей стало так плохо, что она вся опухла от голода, ее увезли в больницу. А ее детей определили в Усть-Вымский детский дом. Но и здесь сытыми они не были. Весной детдомовцы налегали на хвощ, у многих болели животы. Безнадёжно больных детей относили в соседнюю часовенку,

своей воле с разрешения органов МВД в целях воссоединения семей. Такая практика в первые послевоенные годы, как известно, имела место (Приложение 5).

В документах Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР, в которых речь шла о репатриированных немцах, в графе «На какой срок выселены» было зафиксировано: «Без указания сроков», т. е., точно так же, как и у всех остальных немцев СССР, ставших спецпоселенцами. В местах спецпоселения немцы-репатрианты попадали под действие тех же законодательных актов, что и все остальные немцы (в том числе и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.), они находились в сфере ответственности Отдела спецпоселений. Однако во всех учетных документах проходили отдельной графой.

В дальнейшем судьба немцев-репатриантов неразрывно связана с судьбой остальных советских немцев. Имеются отдельные свидетельства того, что в ряде регионов страны некоторым репатриантам пытались отказать в распространении на них Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении...», однако документально такие свидетельства пока не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть. Скорее всего, как представляется, препятствия в снятии ограничений чинились тем репатриантам, которые за сотрудничество с оккупационными германскими властями получили двойное наказание: заключение и последующую ссылку (такая практика в советском исправительно-трудовом законодательстве в те годы была распространена достаточно широко). Естественно, что в конце 1955 – начале 1956 гг. не снимали ограничений с тех, у кого срок ссылки, как уголовного наказания, еще не закончился.

В целом следует отметить, что история советских немцев-репатриантов изучена еще достаточно слабо. В этом направлении необходимы дальнейшие исследования.

wohl am ehesten so sein, dass die Menschen auf eigenen Wunsch mit Genehmigung der MWD-Organen und zwecks Familienzusammenführung in die bezeichneten Gegenden kamen. Eine solche Praxis gab es bekanntermaßen in den ersten Nachkriegsjahren (s. Anlage 5).

In den Dokumenten der Abteilung Sondersiedlung des MWD der UdSSR und in der 9. Abteilung des Ministeriums für Staatssicherheit der UdSSR, in denen es um die repatriierten Deutschen ging, wurde in der Spalte „für wie lange umgesiedelt“ der Vermerk „ohne Angabe von Fristen“ festgehalten, d.h. genau wie bei allen übrigen Deutschen der UdSSR, die zu Sondersiedlern geworden waren. In den Sondersiedlungsorten galten für die deutschen Repatrianten dieselben gesetzlichen Vorschriften wie für alle übrigen Deutschen (unter anderem das Dekret des Präsidiums des Obersten Sowjets vom 26. November 1948). Sie fielen in den Zuständigkeitsbereich der Abteilung Sondersiedlung, wurden jedoch in allen statistischen Unterlagen in einer eigenen Rubrik erfasst.

Im Weiteren ist das Schicksal der deutschen Repatrianten untrennbar mit dem Schicksal aller übrigen Sowjetdeutschen verbunden. Es gibt einzelne Zeugenaussagen dahingehend, dass man in einer Reihe von Regionen des Landes den Versuch unternahm, sie von der Geltung des Dekrets des Präsidiums des Obersten Sowjets vom 13. Dezember 1955 „Über die Aufhebung der Beschränkungen in der Rechtsstellung der...“ auszunehmen. Bisher ist es jedoch nicht gelungen, diese Aussagen mit Hilfe von Dokumenten zu verifizieren oder zu falsifizieren. Es wird wohl am ehesten so sein, dass man bei jenen Repatrianten die Aufhebung dieser Beschränkungen behinderte, die für ihre Zusammenarbeit mit den deutschen Besatzungsbehörden doppelt, d.h. mit Haft und anschließender Verbannung, bestraft worden waren (Eine solche Praxis war in jenen Jahren im sowjetischen Strafvollzugsrecht/Besserungsarbeitsrecht recht weit verbreitet). Natürlich wurden Ende 1955, Anfang 1956 für jene, bei denen die Verbannungsfrist als strafrechtliche Maßnahme noch nicht abgelaufen war, die Beschränkungen nicht aufgehoben.

Insgesamt ist anzumerken, dass die Geschichte der sowjetdeutschen Repatrianten noch recht wenig erforscht ist.